

А. Е. Кибрик

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИСТОРИИ 4: ЗАВЕРШЕНИЕ ДАГЕСТАНСКИХ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ШТУДИЙ (1978—1984)¹

*Мэтру лексической семантики Юре Апресяну
побасенки рядового полевого лексикографа о том,
легко ли собирать лексикон неведомых языков*

Ранее я уже писал о первых пяти экспедициях по сбору лексического и грамматического материала двадцати дагестанских языков². Этот масштабный проект стартовал в 1973 г. Ему предшествовало два монографических описания³ — хиналугского⁴ и арчинского⁵ языка

В то время мы с Сандро Кодзасовым думали, что двух (а в перспективе трех) грамматик для наших биографий достаточно, и решили, несмотря на продолжающуюся работу над арчинским и алюторским⁶ языками, резко сменить проблематику экспедиций и заняться совершенно новым для нас делом. Мы исходили как из своих научных интересов (получить в обозримые сроки пилотное представление о большинстве дагестанских языков и о границах их сходств и различий) и из прагматических соображений (иметь возможность проводить полевую практику для большого количества студентов, так как завершение работы над арчинским и алюторским языками не требовало проведения экспедиций и привлечения студентов).

В центре внимания нового проекта находилось создание сопоставительного словаря дагестанских языков. Конечной целью было собрание исконной лексики изучаемых языков в сопоставительном плане. За основу был взят специально для этой цели созданный нами тезаурусный словарь, базирующийся на имеющиеся в литературе материалы и первоначально содержащий порядка 1000 входов. Каждая статья возглавлялась метаязыковым лексическим значением, услов-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00345а.

² См. [Кибрик 2008, 2010].

³ О занятиях этими языками см. [Кибрик 2007].

⁴ См. [Кибрик и др. 1972].

⁵ Трехтомная грамматика со специальным томом, содержащим словарь и тексты, см. [Кибрик и др. 1977].

⁶ О занятиях алюторским языком см. [Кибрик 2005].

но обозначенным русским словом или описательно (при отсутствии однословного выражения на русском языке). Статья содержала лексическое выражение данного значения каждым из языков. Язык был представлен фиксированным говором одного селения (идиомом) ввиду непредсказуемого разнообразия идиомов даже в составе одного говора или диалекта. В ряде случаев язык был представлен двумя или более идиомами. Каждая лексема сопровождалась стандартным набором морфологической и синтаксической информации (подробнее см. ниже в разделе 9).

В первых экспедициях происходило уточнение первоначального априорного тезауруса. Фронтальный сбор дагестанской лексики помогал устранять слабые места этого тезауруса. Некоторые значения по различным причинам исключались, другие объединялись или, наоборот, расщеплялись; в ряде случаев уточнялось тезаурусное значение. В итоге словарь сократился до восьмисот входов.

Таково вкратце было состояние дел после пятой экспедиции 1977 г. В 1978 г. было проведено две экспедиции: после пятилетнего перерыва была проведена третья, завершающая, экспедиция на Камчатку с группой студентов ОСИПЛа и шестая экспедиция в Дагестан, с которой я и начну свой рассказ.

1. Шестая словарная экспедиция: 1978

За предшествующие годы были собраны данные по 16 языкам. Каждая лексема была зафиксирована в картотеке, содержавшей порядка 16 тысяч карточек. Эти данные проверялись в Москве. Накопилось довольно много изменений в тезаурусе и вопросов по самому фактическому материалу. Поэтому мы с С. Кодзасовым пришли к выводу о необходимости снять возникшие вопросы, перепроверить все сомнительные записи и в ряде случаев дособрать недостающие. Кроме того, у меня возникла идея попутно собрать материал по типологии эргативности, которой я тогда усиленно занимался⁷. Я подготовил анкету по базовым синтаксическим конструкциям, характеризующим дагестанские языки. В нее включались парадигмы предложений со следующими параметрами: предикатно-аргументная структура при одноместных и двухместных глаголах (включая модальные и фазисные), контролеры классного/личного согласования в глаголе, каузативизация, рефлексивизация, а также конструкции с сентенциальными актантами и клаузальным сочинением.

В отличие от предыдущих «многopартийных» экспедиций с большим студенческим коллективом, новая экспедиция была крайне малочисленной. Кроме меня и Кодзасова в ней участвовала О. Ю. Богуславская, собиравшая материал для своей будущей диссертации [Богуславская 1989].

Мы впервые поехали в Дагестан не летом, а ранней осенью, так как лето было отдано камчатскому алыторскому языку. И после камчатских морозящих дождей,

⁷ Эти материалы публиковались почти в режиме *on line* благодаря поддержке В. Ю. Розенцвейга, см. [Кибрик 1979—1981].

комаров и конфликтов с директором школы были вознаграждены прекрасной солнечной погодой, обилием фруктов и новыми сезонными впечатлениями.

У нас был арендованный на автобазе МГУ грузовик ГАЗ-66 с нашим лихим шофером Алешей, испытанным в прошлых экспедициях. Этот грузовик был не только нашим мобильным средством передвижения, но и вообще домом на колесах, позволявшим погрузить в него все необходимое: большую палатку, кухню, продукты, газовые баллоны, столы и стулья, раскладушки, картотеки, аудиотехнику и прочее. О палатке следует упомянуть особо. Это по существу была трехкомнатная квартира: две спальни с полом и рабочая комната с закрывающимся на молнии входом и окном. Эта комната служила нам одновременно кухней, столовой и рабочим кабинетом. Вход имел козырек, защищавший от солнца и дождя. Во всем жилище можно было двигаться в полный рост. После некоторой тренировки мы собирали и разбирали наш походный дом довольно быстро и почти автоматически. Селились мы в нем поблизости от селения. Палатка, солнечно желтая с зеленой пластиковой оторочкой, красовалась на фоне гор.

Для шлифовки словаря мы решили начать с тех идиомов, которыми занимались первые два года, так как именно в них было больше всего работы. Надо было, в частности, внести ряд исправлений и добавлений из-за изменений тезауруса. Маршрут и даже наши потенциальные информанты были нам хорошо знакомы, и наше возвращение сопровождалось теплым приемом. Нам предстояло охватить все идиомы по ущелью вдоль реки Чирахчай.

Словарную работу выполняли мы с Сандро, который уделял особое внимание фонетике и качеству транскрипционной записи. Я же собирал ответы на свою синтаксическую анкету. Оля трудилась со своими анкетами по способам выражения определительного отношения. Поскольку у нас был четкий план работы по каждому идиому, работа шла споро.

Первый пункт — табасаранское селение Кондик. Далее наш путь лежал через агульский ареал. Основным идиомом было селение Бурцаг, наиболее удаленное от тракта. В прошлый раз именно здесь нашла дружелюбное пристанище наша агульская партия после того, как директор школы селения Рича выжил нас с помощью туалета, коварно разрушенного при нашем там поселении. На этот раз мы поселились не в самом Бурцаге, а чуть поодаль. Наша желтая палатка красовалась на излучине реки между обрывом и горами. Мы восхищались видом на осенний Бурцаг, а жители селения — на наш экзотический лагерь.

На обратном пути мы захали без ночевки в Ричу, сняли вопросы и поехали в селение Буркихан, где у нас тоже были записи именного словаря. Мы знали, что Буркихан — родное селение лингвиста Тарланова, работающего в университете Петрозаводска и возглавляющего кафедру русского языка. Оказалось, что он сейчас здесь, нам показали его дом. Он встретил нас очень радушно. Мы договорились, что после окончания работы вернемся к нему. Так и сделали. Мы провели очень душевное застолье с прекрасным дагестанским коньяком, интеллигентное,

не навязчивое, обсудили массу тем, а также кое в каких трудных вопросах буркиханского говора посоветовались с квалифицированным носителем. Тарланов уговаривал провести здесь несколько дней, отдохнуть, предлагал соблазнительные экскурсии. Но наш напряженный график не давал такой редкой возможности, и наше путешествие продолжилось.

Следующий пункт — даргинское селение Чираг. Тут у нас немало друзей. Но мы предпочли устроиться в нашей палатке. Чираг расположен на левом берегу реки Чирахчай, а тракт проходит по правому берегу. Автомобильного моста через реку нет. На стороне тракта имеется всего несколько домов, и мы поставили палатку около стены одного из них. Ночью случилось приключение. Светила полная луна, освещавшая наше жилище и оба берега реки. Дул ветер вдоль тракта, и на противоположном берегу один за другим где-то выше образовывались столбы смерчей, которые втягивали в себя пыль, закручивали ее в высокую воронку и один за другим проплывали мимо нас. Это было завораживающее, космическое зрелище. А ночью нас разбудил Алеша — дул ураганный ветер, крыша и стены палатки хлопали и вот-вот мы могли быть сорваны с земли и унесены вверх как канзасский домик в Изумрудный город.

Мы выскочили из палатки, ухватились за растяжки, пока Алеша таскал большие тяжеленные валуны, чтобы укрепить наши веревки-растяжки. В какой-то степени нас защищала стена дома, к которому мы прилепились, а кроме того Алеша развернул свой ГАЗ и поставил его с открытой стороны от палатки.

Насмотревшись на борьбу стихий и убедившись, что палатка выдержит их натиск, мы вернулись в палатку и попытались уснуть. Утром об урагане напоминали только окружающие палатку валуны.

Наш последний, самый удаленный пункт — лакское селение Хосрех. Там мы снимаем имеющиеся словарные вопросы и собираем синтаксический материал.

Итак, за очень короткое время мы побывали в шести селениях и получили, как нам тогда казалось, окончательный словарь этих идиомов. Это была первая экспедиция, посвященная целиком выверке словарных данных и приведения их к окончательному единому тезаурусному стандарту.

Опыт последней экспедиции показал, что доводить словарные данные до кондиции можно весьма эффективно, если (а) вся подготовительная работа проведена заранее, объем работы в каждом идиоме определен, (б) имеется материально-техническая база: безотказно работающий транспорт, запас бензина, оборудование для автономного быта (в нашем случае — удобная палатка, компактная походная мебель, газовая плита и баллоны, освещение, запас продуктов питания), (в) подробный сценарий работы, (г) минимальный коллектив опытных исследователей, несущих полную ответственность за качество работы.

Последний пункт особенно важен. В этой экспедиции не участвовали студенты, и все силы можно было направить на научные проблемы.

2. Седьмая словарная экспедиция: 1979

При всей соблазнительности такой «науки на колесах» нельзя было ею злоупотреблять. Глобальная цель нашей полевой работы, которую мы сами для себя когда-то сформулировали, — полевая студенческая практика, позволяющая студентам погрузиться в творческий процесс лингвистического исследования и получить множество полезных профессиональных знаний и навыков.

На очереди стояла проверка лезгинских языков самурского ареала, а также джубекского говора табасаранского языка, расположенного обособленно от кондикского говора в Кайсагском районе. Было принято такое решение: создать студенческую партию в Джубеке, а параллельно совершить выезд на Самурский тракт малой группой по образцу экспедиции прошлого года. Студенческая группа была в основном сформирована из «старичков», имеющих основательный полевой опыт, и целью экспедиции были проблемы базового синтаксиса. Ранее мы специально синтаксисом не занимались, хотя определенные наработки по табасаранскому языку у нас имелись. Состав синтаксической партии был отборный, большинство ее участников впоследствии стали известными учеными: О. Ю. Богуславская, М. Б. Бергельсон, Анна А. Зализняк, М. Н. Копчевская, И. А. Муравьева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, М. Г. Селезнев⁸. Я предложил амбициозный план: подготовить сборник статей по синтаксису и фонетике. Такая задача была ранее поставлена относительно рутульского языка, но она не реализовалась. В этом есть доля и моей вины. Я переоценил возможности студентов и экс-студентов, предоставив им полную самостоятельность. Теперь же я решил полноценно участвовать в исследовании совместно с молодыми экспедиционерами.

Джубек, ввиду своей доступности, был удобен для совмещения оседлой и походной партий, так как он находится всего в сорока минутах езды от Дербента. Джубек расположен на высоте менее тысячи метров, его климат существенно отличается от высокогорных селений. Он сочетает чистый горный воздух с высокой среднесуточной температурой. Местные ребята показали нам водопад в двадцати минутах ходьбы от села. Естественный горный душ хорошо освежал, но на обратном пути жара возвращала купальщиков в исходное состояние, в пору было снова идти к водопаду. Ночи в Джубеке тоже теплые, и большинство студентов спали на открытой веранде. А в седьмом часу село оглашалось топотом и мычанием сотен коров, собиравшихся в огромное стадо.

Работа над синтаксисом шла конструктивно. Заранее были составлены анкеты по каждой из тем. Промежуточные результаты я обсуждал со студентами, вырабатывалась программа работы на следующий день. Сандро Кодзасов углубленно занимался фонетикой совместно с Ирой Муравьевой. Оля Богуславская самостоятельно собирала материал для своей диссертации, а также для статьи по относительному предложению.

⁸ Впоследствии он отличился не в лингвистике, хотя написал практически первую диссертацию по теории дискурса, а как крупный библиист.

Когда работа была налажена и вошла в заданный ритм, Кодзасов, Богуславская и я отправились в путешествие. Мы довольно быстро сняли вопросы по лезгинскому и рутульскому языку и по трем идиомам цахурского языка. Таким образом, проверка словарей лезгинских языков, представленных собственно в Дагестане, была завершена.

Вернувшись в Дюбек, мы застали наших дюбекцев в состоянии какой-то кожной аллергии. Эта аллергия вызывает нестерпимый зуд и покраснение кожи, все непрерывно чешутся. Но переносят это с юмором. Местные такой болезни не знают, но говорят, что если долго жить вне Дюбека, такая аллергия может возникнуть. Причина ее так и осталась неизвестной. После отъезда она быстро сходит на нет. Может быть поэтому на нас с Сандро эта чесотка не напала: мы уже имели от нее иммунитет.

Вернувшись в Москву, синтаксисты представили свои научные отчеты. Языковой материал оказался добротным, и мы приступили к выполнению программы-максимум. Я преобразовывал отчеты в статьи, которые обсуждал со студентами, Кодзасов и Муравьева подготовили статью по табасаранской фонетике. Сборник [Табасаранские этюды 1982] вышел в рекордно короткие сроки. Это был первый опыт совместной со студентами публикации.

3. Восьмая словарная экспедиция: 1979

Осенью того же 1979 года состоялась еще одна экспедиция в Дагестан. Это снова была «наука на колесах». Но если летом мы работали в восточном Дагестане, то теперь направлялись в самую западную ее часть, в Цумадинский район. Это самый далекий от Махачкалы район. По предложению Оли с нами также ехала Лена Устинова. Научных обязанностей у нее не было, она усиливала женскую часть партии, помогая в создании уюта и организации питания. Наша палатка с двумя комнатами, вмещавшими по две раскладушки, использовалась по полной программе. В Дагестане Лена никогда не бывала, для нее все было экзотикой, а для нас с Сандро — встреча со старыми знакомыми и местами, в которых ранее мы уже бывали.

Программа словарной работы была уже отшлифована, а сбор данных по синтаксису всякий раз сопровождался сюрпризами. Иногда возникала необходимость добавить в анкету новые вопросы, которые в предыдущих языках не учитывались. Не придется ли совершить еще один тур?

В Нижнем Гаквари мы в 1975 году жили в школе. Теперь решили разместить нашу палатку перед въездом в селение. Найти ровное место для палатки оказалось не легко, так как все селение расположено на склоне горы. Пришлось заночевать совсем рядом с дорогой, но по ней машины очень редки, ночью их обычно вовсе нет.

В час ночи мы проснулись от машинных гудков, палатка осветилась фарами. Одеваться и вылезать вовсе не хотелось. Нас опередил шофер Алеша. Через некоторое время он пришел и, радостно возбужденный, сказал, что непрощенный гость

зовет нас к себе. Я вышел: какие визиты среди ночи? Давай завтра. Гость очень стал кипятиться, угрожать, что разорит палатку, если мы откажемся. Было видно, что он изрядно пьян. Удивительно, как он поднялся с трассы в Гаквари по очень крутому и узкому серпантину, по краю пропасти, по которому и днем едешь с замиранием сердца. Сандро решительно отказался вставать. А Алеша весь был в предчувствиях неожиданной выпивки. Я стремительно прокручивал в голове варианты. Если отказать, то можно схлопотать проблемы с соседом (мы остановились напротив его дома), еще не начав работу, и Алешу обидеть. Если согласиться, то это дикое насилие. Принял огонь на себя, и мы втроем направились в дом Магомед.

Но это было типичное малодушие и типичная наивность принимать настойчивые приглашения за чистую монету. Магомед стал стучать и вызывать жену. Та уже издали стала его ругать, что было понятно по враждебной интонации. Увидев гостей, она впала в полную ярость и удалилась. Магомед повел нас не в дом, а в погреб, огромное прохладное помещение, и сказал, что через пару минут придет. Он вернулся с морковкой, надерганной в огороде, усадил нас за стол и стал потчевать густой бузой (лакский хмельной напиток типа пива) из больших пол-литровых кружек и только что сорванной закуской. Алеша все надеялся на более приятное угощение, но его не последовало. Тем не менее, как только мы собирались ретироваться, Магомед нас не отпускал и требовал выпить очередную кружку бузы. Мы еле унесли ноги, нам вдогонку Магомед звучно вырвало.

А Сандро спал сном младенца. Девушки, кажется, тоже.

Больше Магомед мы не видели. Далее началась работа, затем мы спустились вниз на трассу, съездили в селение Тинди. В прошлый раз одновременно работали две партии — одна в Гаквари, другая в Тинди. В этих идиомах были независимо и одновременно обнаружены тональные различия, ранее не замечавшиеся. Мы с Сандро обнаружили этот феномен в Гаквари, а С. Старостин — в Тинди. Наличие тональных оппозиций было важно для словаря, так как в словаре обязательно отмечается ударение. Некоторые языки имеют тональный акцент, а другие сочетают ударение со слоговыми тонами. В последующие годы Сандро много работал над тональной проблемой и убедился, что это не тоны в классическом смысле, а особые просодические признаки. В той или иной форме они присутствуют почти во всех языках.

После Тинди был еще один идиом, Инхоквари, говор хваршинского языка, относящегося к цезской группе. Четыре года назад дороги до Инхоквари не было, несколько километров надо идти пешком по узкому ущелью, а теперь мы без труда доехали на нашем ГАЗе. Инхоквари знаменито своим лечебным минеральным источником, сюда съезжаются хворые из разных уголков Дагестана, подолгу живут около источника в палатках. Источник бьет около реки в глубине узкого ущелья, а селение вольготно раскинулось далеко отстоящими друг от друга домами на крутом противоположном склоне.

Мы поселились в палатке у реки, нашим информантом был бывший учитель Магомед, которого мы втроем делили. Поэтому вопросы по словарю снимал Сандро, а я и Оля собирали синтаксические данные.

После уже знакомых нам языков мы на обратном пути заехали в ахвахский язык. На этом языке говорят более чем в десяти селениях, но все они очень маленькие. По совету Заидат Магомедбековой, автору грамматики ахвахского языка, мы поехали в Тадмагитль, наиболее крупное и близкое от тракта Ботлих — Махачкала селение. Там действительно были некоторые трудности с информантами. Каждому из нас был нужен носитель языка, так как программа в ахвахском языке была особая. Мы с Сандро должны были собрать именной словарь, разобраться в именной морфологии для определения состава диагностических форм, а он — также в просодии. Оля собирала данные для своей диссертации, а я, в дополнение к словарю, занимался синтаксисом по своей анкете. Ахвахский синтаксис практически не описан, но было известно, что он существенно отличается от прочих андийских языков.

В общем, это была блиц-экспедиция, еще раз показавшая, что при хорошей предварительной подготовке и наличии полевого опыта работать можно очень эффективно.

4. Девятая словарная экспедиция: 1980

В 1976 г. мы работали по трехпартийной схеме с бежтинским (в селениях Тлядал и Хошар-Хота) и аварским языками. Особо понравилось нам селение Тлядал с его удивительными двускатными крышами, покрытыми дранкой. Для сочетания студенческой практики и нашей словарной проверочной деятельности в качестве основной базы было выбрано это селение. Оно находится на берегу Аварского Койсу, на основном тракте, что очень удобно в транспортном отношении: многократный заезд в стационарную партию не требовал дополнительных усилий и времени.

В 1980-м году основная группа сбором словаря не занималась (он был собран ранее) и работала по обширной грамматической программе. В составе группы участвовало несколько человек, бывших здесь четыре года назад: О. Богуславская, Е. Саввина, Я. Тестелец, Андрей Кибрик (в предыдущий раз он был еще не в студенческой возрастной категории и языком не занимался).

Дорога до Тлядала одна из самых длинных. Мы утром приехали в Махачкалу из Москвы на поезде. Нас встречал Алеша со своим племянником, для которого это была просто туристическая поездка. Заранее было решено переночевать в Махачкале, была договоренность о ночевке в общежитии. Закупили на рынке картошку, овощи и фрукты, искупались в море, и я поселил группу, а сам с Сандро поехал к своим родственникам — сестре моей жены Любе и ее мужу Хадису Гаджиеву. Утром мы заехали в общежитие, и нам рассказали о несметном множестве тараканов, которые передвигались по коридорам и комнатам табунами.

Добрались до Тлядала без приключений, нас встречал директор в только что отстроенной новой школе. Сам Тлядал находится на другом берегу реки, в прошлый раз школа находилась в центре селения, до которого мы добирались по подвесному мосту. Теперь к школе можно было доехать на машине. Разгрузились и стали рас-

паковывать кухню. И тут произошло неожиданное: из ящика стали выскакивать тараканы и разбегаться во все стороны. Тут Алешин племянник отличился: с удивительной проворностью он носился по классу и успешно ликвидировал непрошенных путешественников. Пришлось вынести все наши вещи на улицу и проверять их на наличие «зайцев». Операция прошла успешно, и больше мы их не видели. Но ночь в университетском общежитии не прошла даром.

Так началась наша экспедиционная жизнь. Через несколько дней к нам присоединилась Мира Бергельсон, выезжавшая в экспедицию самостоятельно. Она ехала из Махачкалы автостопом и к нам браво прикатила на мотоцикле.

Словарная работа шла ударно. Мы с Сандро (а временами и с Олей) посетили все пункты, в которых собирали словарь в 76-м году. В Цунтинском районе это Кидеро (цезский язык) и Гинух (гунихский язык), до которых добираться надо через Богосский хребет по крутому серпантину, Гунзиб (гунзибский язык) и говор селения Хошар-Хота (бежтинский язык), смущавший нас тем, что некоторые имена в нем и Тлядале, по нашим данным, относились к разным классам. Может быть, это ошибки документации? Но оказалось, что ошибок нет и классы действительно разные.

Кроме цезских языков, мы побывали также в Чадаколобе. Туда с нами поехала Мира Бергельсон, имеющая богатый экспедиционный опыт. В прошлый приезд мы совершили с Алешей фантастический подъем на вершину горы по очень крутой дороге. Местные жители уверяли нас, что это невозможно. Тогда у нас родилась мечта пожить на этой вершине. Теперь мы ее осуществили. Разбили нашу палатку на поляне, откуда открывался замечательный вид. Виден был даже Тлядал глубоко в ущелье, покрытый по утрам облаками, постепенно поднимавшимися вверх и растворявшимся в воздухе. С информантами мы договорились, что они будут к нам приходить на работу. И прожили там несколько дней, наслаждаясь работой на фоне уникального краевиды. Вечером информанты уходили домой, а мы сидели у палатки вблизи ярко сияющих звезд, не ущемленных электрическим светом. С этим могли сравниться разве что звезды над погруженным в естественную ночную тишину арчинским хутором Хилих в нашей первой арчинской экспедиции 68-го года, см. [Кибрик 2007]. Но это было все-таки селение, в окошках домов мерцали огоньки керосиновых ламп.

Работа в тлядальском стационаре шла спокойно, иногда совершались прогулки в сосновые леса за маслятами, Андрей увлекался ловлей форели вместе с тлядальскими ребятами. Как-то он принес целое ведро форели, приведя в отчаяние дежурных, вынужденных ее чистить.

Единственным огорчением было то, что Миша Селезнев чем-то болел⁹ и часто мог только лежать в спальнике. Но держался он мужественно, и во второй половине экспедиции ему стало лучше. В один из наших приездов Андрей мне сказал, что он, Володя Туровский и Миша Селезнев загорелись желанием перевалить через Главный Кавказский хребет в Грузию. Местные жители убеждали, что такой

⁹ Уже в Москве было установлено, что он перенес брюшной тиф, подхваченный им где-то в Средней Азии перед экспедицией.

поход можно осуществить за один день. Какой-то тлядалец обещал сопровождать их в этом походе. Действительно, между Тлядалом и Лагодехи существовала постоянная связь, с юга привозили в бурдюках столовое красное вино для продажи, и наши праздники мы скрашивали этим напитком.

Эта идея была для меня как гром среди ясного неба. Если бы в ней не был замешан Андрей, я бы без колебания отверг эту авантюру, неся ответственность перед родителями. А тут нельзя было допустить, чтобы его считали «папенькиным сынком». Ему уже 17 лет, обращаться с ним как с ребенком неправильно. И я согласился, настояв, чтобы они мне сразу же по прибытии дали телеграмму. Я ее с облегчением получил, но как оказалось, им просто сказочно повезло.

Рассчитывая за один день преодолеть подъем и спуск, они отправились налегке, без теплых вещей. Тот местный парень утром, как они договорились, не объявился, и они решили пойти самостоятельно. Преодолев подъем и выйдя на плато, они не смогли найти тропу. В горах выпасаются отары овец, наделавших множество тропинок. Очень легко пойти в неправильном направлении и заблудиться.

И тут им повезло. Им встретился парень, по имени Резо (уменьшительное от Резван), знающий дорогу. Сам он живет в Грузии, приходил в гости к родственникам и сейчас возвращался домой. Оказалось, что ребята неправильно себе представляют, куда надо идти, и Резо взял над ними шефство. Им предстояло пройти еще несколько десятков километров, а день уже был на исходе. Спуск был труднее, чем подъем, постоянные осыпи камней из-под ног. Добраться до ближайшего жилища уже невозможно, а заночевать тоже. И тут им повезло еще раз. Они встретили грузовик, везущий вниз бревна. Езда в темноте на бревнах, которые катались по кузову, была опасна. Тем не менее поздно ночью они добрались до селения, в котором жил Резо¹⁰.

Все эти подробности я узнал только в Москве. А мы поехали в Махачкалу и посадили на поезд студентов, а сами направились в Азербайджан с Олей и Леной. Нам предстояло снять вопросы в трех шахдагских языках.

Из райцентра Кубы мы поехали в заоблачный Будух (будухский язык). Там работа шла по уже апробированной программе — сверка словаря и сбор данных по синтаксису. Из Будуха спуск назад в Кубу и подъем на другую гору в Крыз (крызский язык). Наверху лежал туман, дорогу видно плохо. Мы обогнали группу туристов-велосипедистов из Эстонии, которые тащили вверх свой транспорт. Непонятно, как

¹⁰ В лихие девяностые он разыскал Андрея и встретился с ним у нас дома. Он уже давно жил в Великом Устюге, был удачливым предпринимателем, женился на русской девушке, с которой прижил двое детей и которую отвез в Грузию, чтобы его дети были воспитаны по законам его предков. Сам он отстроил большой дом, одна из комнат которого была отведена для хранения купюр, набивших эту комнату до потолка. Как и многие бизнесмены первой волны, он лишился всех своих сбережений, но относился к этому философски. Кажется, он вернулся домой почти нищим. О встрече в горах с москвичами он без пафоса и хвастовства сказал нам с Ниной, что одни они бы наверняка погибли, не найдя дороги и замерзнув в горах.

в этих местах путешествовать на велосипедах? Крутизна дороги такая, что вверх велосипеды не идут, а вниз несутся с такой скоростью, что тормоза не держат.

Туман только сгущался, в Крыз мы подъехали ночью и с нулевой видимостью. Мы с Сандро вылезли и пытались найти место для стоянки. Это было нелегко. В трех метрах уже ничего не видно. Подобрали что-то в нескольких шагах от машины и решили разбивать лагерь. Хорошо лишь, что с палаткой мы могли справиться на ощупь. Каково же было наше изумление, когда мы утром обнаружили, что наша палатка стоит на площади посреди селения, вокруг кипит жизнь, и совершенно непонятно, где совершить утренний туалет. Однако искать другое место, разбирать и снова устанавливать палатку не хотелось. Мы постарались как можно быстрее выполнить нашу программу и уехать.

Мы откуда-то узнали, что Рагим Алхас, наш лучший информант и вообще большой патриот хиналугского языка, живет сейчас на плоскости, недалеко от Кубы, поэтому мы не поехали в Хиналуг, находящийся дальше вверх по тракту, а вернулись в Кубу. Там мы нашли селение Владимировка и дом, где живет Рагим. Была очень радостная встреча, Рагим был в приподнятом настроении, подробно расспрашивал меня о всех членах моей семьи. Конечно, он хорошо помнил Андрея, который был в Хиналуге в 1969 году шестилетним ребенком и увлекался сбором валявшихся повсюду рогов туров и козлов. Андрей тогда был убежден, что имя Рагима образовано от слова *рог*.

Рагим переселился из Хиналуга на плоскость, поскольку там далеко не все относились к нему так восторженно, как мы. Его незаслуженно сняли с должности директора школы, и он стал рядовым учителем. Возможно, тут сыграло роль его патриотическое отношение к истории и миссии хиналугского этноса и языка. Он рассказывал, что во время переписи населения он был в числе переписчиков, и всех жителей своего участка записал хиналугцами. Его вызывали в райком и грозили исключить из партии, если он не перепишет их как азербайджанцев, но он наотрез отказался. Кажется, это сделало за него районное начальство, и в СССР исчез этот этнос и его язык. В принципе Рагим был предан провозглашаемым благородным идеям, любил говорить «Я человек советский» и вел себя в соответствии с этими идеями, не вступая в компромиссы с противоречащей им реальной действительностью.

В 1982 году он приезжал в Москву и выступал со своими стихами в доме Дружбы с народами зарубежных стран, что бок о бок с Институтом языкознания. Жил он у меня дома, Нина прониклась к нему теплыми чувствами и всячески его опекала.

Владимировка по сравнению с Хиналугом — унылое плоское место, ничем не радующее глаз. Жарко, пыльно, вереница убогих построек, тучи мух. Особенно они досаждали нам у Рагима дома во время работы. От них черно на столе, на людях, на стенах, на пище. Рагим их практически не замечал, а мы страдали. По сравнению с ними и комары незаметны. Все попытки отогнать мух от себя обречены на провал, даже донести кусок хлеба до рта так, чтобы вместе с хлебом туда не залетело несколько мух, удается далеко не всегда.

Тем не менее, с Рагимом мы существенно дополнили наш словарь, я собрал свою синтаксическую анкету, а Оля свою. Кажется, в Москву мы с Сандро ехали на нашем грузовике, загрузив его почти бесплатными дарами юга.

5. Десятая словарная экспедиция: 1981

Теперь мы снова переместились с востока на запад Дагестана. Словарную проверку мы опять решили сочетать с расширением круга языков. На этот раз стационарная студенческая группа поселилась в селении Анди (андийский язык). Заезд в Анди — не из Махачкалы, а из Грозного, это первое селение после перевала и границы с чеченским районом. Мы с Сандро уже ездили этим маршрутом в 1975 году.

В этом году у нас сменился шофер. Вместо нашего любимого Алеши нам дали на автобазе Сашу, молодого парня. Кроме того, с нами поехал Володя Борщев, давний друг еще со времен, когда Нина работала в ВИНТИ в группе Ю. А. Шрейдера. Борщев не лингвист, но он всегда находился в лингвистическом окружении. В экспедиции он занимал позицию «вольнотерпящегося», вникал во все наши проблемы и начал с того, что сопровождал наш грузовик до Грозного. Он нашел себе замечательное дело: вести дневник экспедиции. Этот дневник впоследствии он опубликовал [Борщев 2001], и оказалось, что в нем содержится множество конкретных зарисовок, почти нами забытых и приобретших самостоятельную ценность.

В Грозном перед нашим приездом произошла серьезная поломка машины, потребовавшая больших усилий для ее устранения. Машина сломалась в аэропорту, где Володя должен был встречать Тамару, жену Сандро, впервые поехавшую на короткий срок посмотреть, как мы делаем экспедицию. Ее первым впечатлением была бездыханная машина, и ночевать пришлось в ней. Рано утром поездом прибыли все остальные участники экспедиции, и мне пришлось включиться в проблему реанимации грузовика. Без своего транспорта мотаться по городу не очень комфортно. Объезд многих гаражей ничего не дал, но в одном из них нам с Володей сказали, что в Грозном есть только один слесарь — Николай Захарович Юдин, но его не было дома. Оставив Сашу ждать Юдина, мы с Володей поехали в обком искать помощи. Ввиду субботы там был только дежурный, перед которым я размахивал своим университетским мандатом. Его дежурный принял за высочайшее повеление и дал распоряжение кому следует нам помочь. Но в итоге помог нам Юдин, не нуждающийся ни в каких мандатах.

Одну или две ночи мы прожили в университетском общежитии. У нас был выбор: хорошее общежитие, но в нем только что морили тараканов, и убогое, без белья, матрацев и горячей воды, но без ядовитой вони. Выбор очевиден.

Машина на ходу, укладываем груз, рассаживаемся и в полдень выезжаем. Еще засветло мы в Анди. После традиционного поиска ключей занимаем и обживаем большую удобную школу. Сандро выполняет свою традиционную, добровольно возложенную на себя обязанность — чистку туалета.

Из Анди, наиболее крупного селения среди десятка других сел, где говорят на андийском языке, открывается грандиозная панорама на Андийскую котловину, образованную Андийским Койсу. Она начинается где-то глубоко внизу и простирается на десятки километров, завершаясь на горизонте снежными вершинами Главного Кавказского хребта. Величественность этой панорамы совершенно не воспроизводима словами и средствами черно-белой фотографии.

В Анди у нас полная программа, начинающаяся сбором лексики по нашему тезаурусу. В группе все не новички (экс-студенты М. Бергельсон, Анна Зализняк, И. Муравьева, Е. Рахилина и студенты Андрей Кибрик, В. Плунгян, М. Селезнев и В. Туровский), и работа идет споро. Сандро утверждает окончательный вариант фонетической системы и транскрипции, сверяет словарь, и начинается грамматическая сессия. Каждый день проводятся так называемые пятиминутки, на которых студенты рассказывают, что они успели обнаружить по своим темам.

Совершаем наш первый выезд на сверку данных. Едем в ахвахский язык, где мы были в 79-м году. Кроме меня и Сандро, едут Володя и Тамара. От прошлого раза остались некоторые недоработки, обнаруженные в Москве. Они есть в словаре и в моих синтаксических материалах. С первого раза никогда не сделаешь всего окончательно. Живем в нашей палатке, где мы провели всего одну ночь, и на следующий день возвращаемся в Анди.

По дороге я должен посетить секретаря райкома, чтобы получить санкцию на покупку овощей и фруктов в местных колхозах. Секретарь аварец, со своим взглядом на языковую ситуацию в районе. Он убежден, что в районе только один язык, аварский, а все прочие — его диалекты. Само словосочетание *андийский язык* для него антисоветское. Некоторое время назад андийцы потребовали, чтобы в их школах преподавание велось на родном андийском языке. Усмирять «восстание» были присланы спецвойска. Поскольку мы приехали изучать этот якобы язык, наша роль тоже какая-то сомнительная с советской точки зрения. Надо было вступать по крайней мере в дискуссию.

— А почему Вы считаете, что такого языка нет? — У них же нет алфавита. — А разве аварский язык всегда имел письменность? — Нет. — Значит, он до появления письменности не был языком? — У аварцев раньше была арабская письменность. — А она существовала всегда? — Партийный босс чувствует какое-то противоречие со своим тезисом. — Но они все понимают нашу речь. — А Вы понимаете, когда они говорят?

Приходится признать, что не понимают. Начальник переходит в наступление с другого фланга: — А как Вы докажете, что у них свои языки?

Теперь я уже могу говорить как ученый, а не подозреваемый. Заканчиваем дискуссию мирно, начальник дает требуемые распоряжения, но все еще не может свыкнуться с существованием неаварских языков.

Недельная поездка Тамары заканчивается, устраиваются проводы, рано утром Сандро и Володя едут ее провожать. В 6 часов уже возвращаются. А на следующий день, убегая с андийской свадьбы, мы с Володей снова едем к более отдаленным

языкам андийского ареала. Снова крутой спуск в райцентр Ботлих, ставший печально знаменитым после чеченского нападения, и затем в Нижнее Гаквари, Тинди, Инхоквари. Опять везде есть некоторое количество вопросов, но число их все уменьшается. Однако усложняют проверку тональные системы в связи с их переинтерпретацией и необходимостью в ряде языков перепроверять по этому параметру весь словарь. Это значит, что настоящая поездка — не последняя, после тщательной московской проверки придется приезжать сюда еще раз.

Наше путешествие заняло целую неделю. Мы были рады сменить жизнь на колесах на стационар. В Анди жизнь проходила размеренно и спокойно, работа существенно продвинулась.

Всего мы пробыли в поле 20 дней и собрали хороший «урожай». Освоен новый язык и проведена проверка данных пяти языков.

6. Одиннадцатая словарная экспедиция: 1982

Я планировал длительную двухмесячную экспедицию, но пришлось ее сокращать. Тяжело заболела Нина. У нее уже давно болела спина, а тут болезнь серьезно усилилась, и она не могла ходить. Я уже собирался не ехать, так как оставить Нину одну в таком состоянии было невозможно. Но тут Катя Рахилина обратилась к своей маме Лидии Ивановне, зав. отделением железнодорожной больницы. Она отнеслась к Нине с большим участием и смогла положить ее к себе. Некоторое время Нина лежала там, но это отделение кардиологическое, не по профилю болезни, и ей удалось перевести Нину в отделение нейрохирургии.

Экспедиция уехала без меня, ее возглавил Сандро. Тем временем Нина категорически требовала, чтобы я ехал, говорила, что за ней наблюдают и мое присутствие якобы не требуется. Я разрывался между двумя решениями, но Лидия Ивановна убедила меня, что она будет следить за Ниной. И я решил.

В этот раз наша студенческая партия работает в селе Гигатли. Это диалект чамалинского языка, находящийся рядом с Гаквари, но отделенный от Гаквари высокой и отвесной горой. В этом году мы имели два грузовика: обычный ГАЗ с тентом и КАМАЗ с будкой. Эта будка — дом на колесах. В ней можно готовить пищу, есть и спать. Водители новые: Юра и Володя. Теоретически такой транспорт обещал комфортные поездки. Однако практически все было не так прекрасно. Машины постоянно ломались, иногда очень серьезно, а сами шоферы были антиподами нашего Алеши. Мы перед ними вертелись мелким бесом, а они вели себя грубо, демонстрируя преимущество рабочего класса перед гнилой интеллигенцией.

Мой отъезд почти совпадал по времени с опаздывающими Володей Борщевым и Мирой, ехавшими поездом. Мне же был дорог каждый московский день, поэтому я летел самолетом днем позже. Я прилетел вечером, в аэропорту меня встречали с машиной Адя и оба шофера. Утром поезд сильно опаздывал, но к середине дня Володя и Мира приехали. Мы надеялись к вечеру быть в Гигатли, но на спуске к Ботлиху машина сломалась, поломка оказалась непростая, и на следующий

день ехать дальше машина не могла. Я с Андреем и шофером Юрой уехал в Гигатли, оставив двух Володь с машиной. В Гигатли Юра должен был взять свой ГАЗ и возвращаться к «поломанным».

Состав экспедиции несколько уменьшился, а новичок добавился только один — Нина Якубова. Сделав всю нашу работу, мы с Сандро и Володей на двух машинах объезжаем весь андийский ареал, чтобы снять обнаруженные проблемы. Гаквари, Инхоквари, заезд в Хварши, куда совсем недавно дороги еще не было, это уже граница цезского ареала, Тинди, Тадмагитль, Анди. Когда проезжаем мимо, заглядываем в Гигатли. Надо еще встретить в Грозном Тамару, жену Сандро. Машины постоянно ломаются, их надо чинить, искать и выпрашивать запчасти. А впереди еще далекий маршрут в Грузию через Военно-грузинскую дорогу...

После двух с половиной недель непрерывной работы запланирован поход в скалистые горы, прямо напротив Гигатли. Почти отвесная высоченная скала всегда у нас перед глазами. Она отделяет Гигатли от Годобери, где говорят на особом андийском языке — годоберинском. Студенты уверяют нас, что досконально изучили маршрут. Надо подняться на вершину скалы, пройти поверху в сторону Чечни и затем спуститься назад по какому-то разлому, уходящему вниз к Гигатлинке, на противоположном берегу которой находится наше Гигатли. Преимущество маршрута в том, что не надо возвращаться, идешь все время вперед и возвращаешься, как бумеранг, к исходной точке.

Я согласился довольно легко, основываясь на этих рассказах и не перепроверив их. Рано утром мы выдвигаемся, спускаемся к Гигатлинке, а потом восхождение по серпантину крутой, узкой и временами осыпающейся тропки на вершину. Восхождение на несколько сот метров, солнце шпарит, жарко, хочется пить, но на воду надеемся в конце пути. Физподготовка у туристов разная, группа растянулась, замыкает ее, кажется, Туровский. Я далеко не первый, но и не последний.

Группа очень растянулась, последние пришли часа через два после основной группы. Особенно трудно Нине Якубовой. Ей тоже надо отдохнуть. Что делать дальше? Вернуться? Но об этом страшно подумать. Известно, что спускаться труднее, чем подниматься, особенно по такой тропе.

Но вершина оказалась не вершиной. Это не скала, а плато, уходящее вдоль скалы вверх к настоящей вершине. Медленно идем вперед — ведь цель видна. Но это тоже не вершина, а небольшой излом, и далее новая вершина. Смотреть на нее не хочется. Мира надеется, что здесь есть желанный спуск, бодро идет на поиски, но нет — плато обрывается скалой.

Никакой воды нет, сушь. Решаем двигаться вперед, но Нина идти уже почти не может. Дойдя до вершины, обнаруживаем небольшую ложбину а за ней нескончаемый подъем вверх по плато. Мира неоднократно пытается найти желанную тропу, но увы. Или мы ее пропустили, или она впереди, или ее вообще нет.

Уже сразу после главного подъема шла дискуссия, что делать дальше, но маячила надежда на спуск к Гигатли. Теперь день на исходе, поэтому мы решительно

меняем направление и спускаемся по этой ложбине к Годобери. Внизу виден лес и вдалеке параллельный кряж. Значит, посередине должно быть Годобери.

Мы начали спуск часов в 5, теперь я иду впереди с Володей, остальные с разной скоростью движутся за нами. Дорога травянистая, видны следы коровьих копыт. Значит, сюда гоняют из Годобери стадо. Значит, мы на правильном пути. Вскоре, о счастье, пройдя сосновый лес, мы видим водопой. Из трубы льет сильная струя. в нее залезаешь головой и пьешь, пьешь, пьешь... Хочется, чтобы вся струя влилась в горло. Но ты, к сожалению, не мюнхаузенская лошадь. Постепенно подходят другие. Пока они пьют и отдыхают, я с Володей отправляюсь вперед, чтобы селение не легло спать. В сумерки мы входим в Годобери, находим директора школы, просим помочь встретить группу. Всех нас гостеприимно оставляет на ночлег Хадис, директор хозмага, первый встретивший нас годоберинец. Наши приходят самостоятельно, до отправки аварийной бригады.

Утром я пытаюсь связываться по телефону с Сандро, но связи нет. Это разные районы, и связь через Ботлих. Добраться до Гигатли нашим транспортом оказалось непросто. На автобусе мы спустились до трассы Ботлих — Агвали, я кое-как смог добраться до Агвали, нашего райцентра и оттуда дозвонился до Сандро. Ему тоже было нелегко заставить поехать за нами шоферов. Они ушли в лес за грибами, не хотели возвращаться, но Юру он все-таки уломал. За это время вся группа прибыла перекладными до Агвали, наконец приехал Сандро и забрал нас.

Так закончился наш не вполне безмятежный поход. Но потом благодаря этому, много лет позже (в 1993 г.), в Годобери была организована специальная экспедиция.

Нам предстояло теперь «кругосветное» путешествие в Грузию через Осетию, военно-грузинскую дорогу, Тбилиси в селения, где говорят на дагестанских языках. Как и в 1981 г., у части группы еще в начале экспедиции возник план совершить пеший переход через Главный Кавказский хребет в Грузию и там встретиться с «машинной» группой. Предполагалось, что я возглавлю туристический переход. Мне этот план очень не нравился. Два предыдущих похода кончились благополучно благодаря удачному стечению обстоятельств. Здесь же все хорошо только на карте. А расстояние от последнего селения, откуда можно стартовать — Хварши, до первого грузинского селения от 100 до 300 км. Реальный путь и его длина неизвестны. Знаковок такого перехода в Гигатли не нашлось. В общем, это несколько дней пути, с полной походной выкладкой. Сам я не имею достаточного опыта горных походов и вообще неважный ходок, но отпустить четырех человек (это Туровский, Андрей, Мира и Борщев) одних просто не могу. Поэтому на протяжении всей экспедиции у нас шел торг по поводу похода. Мне добавляла аргументов неустойчивая погода. Идти в горы при угрозе дождей — чистое безумие. Мы ожидали от погоды однозначного ответа: «в ближайшие дни будут дожди или нет?», но она прямого ответа не давала. Скорее нет, чем да. В итоге, к великому неудовольствию зачинщиков походного проекта, он не состоялся.

Мы доехали до Тбилиси за пару дней, потом еще пару дней добирались до Чантлисури, где живут дагестанские переселенцы. Они откочевали в Грузию еще до войны, хорошо там устроились, построили двухэтажные дома, но в 1944 г., после депортации чеченцев, их насильственно переселили в Чечню. А в 1956 г. чеченцы стали возвращаться в свои дома, и пришлось снова переселяться в Грузию. Но там их место уже было занято грузинами. Им пришлось занять совсем негодное место, где никто не жил — на болоте, в лесу, и снова строиться. С грузинами отношения были натянутыми, больше контактов с дагестанцами из двух соседних сел и со своей «метрополией» — Тлядалом и Бежтой.

В этой части экспедиции работой заняты только мы с Сандро, для остальных это познавательная прогулка. Все из Чантлисури едут домой, а я, Сандро и Тамара отправляемся дальше, в Азербайджан, допроверить в Нижде удинские данные. Собственно из-за удинского языка пришлось совершать такое далекое путешествие, так как бежтинский язык можно было посетить и в Дагестане.

Вся экспедиция с переездами заняла 35 дней, по сравнению с планом она была сокращена почти вдвое, но для меня это было очень много из-за болезни Нины, брошенной в больнице. У нее никаких улучшений не было, но она мужественно все переносила.

7. Двенадцатая словарная экспедиция: 1983

В 1982 г. на кафедре происходили серьезные события. Весной В. А. Звегинцева вынудили подать в отставку, обещав утвердить, по его просьбе, в должности зав. кафедрой Борю Городецкого. А в конце августа было объявлено, что наша кафедра объединяется с кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания под общим руководством Ю. В. Рождественского. Знаковым событием было исключение Андрея Зализняка из состава совместителей. Формально совместители отчисляются 1 июля и вновь зачисляются 1 сентября. Вот этого и не произошло.

Итак, кафедра перестала существовать. Отделение при этом сохранилось, но распоряжаться им стали уже другие люди. Это был оглушительный удар по отделению, Звегинцеву и созданным на отделении традициям. В этой ситуации было невозможно продолжать традиции покойной кафедры. Мы отказались от студенческих экспедиций и от проведения традиционной Олимпиады для школьников. Новое начальство этого нашего нелегкого отказа даже не заметило.

Тем не менее научную работу сворачивать было бы неправильно. В отношении словаря это значило, что надо все окончательно сверить и «прочесать». И опять, как грибы-поганки, прорезались новые вопросы, рассыпанные практически по всему Дагестану.

Мы с Сандро еще в конце нашей поездки планировали в следующем году «кругосветное» путешествие по Дагестану с сугубо научными целями, без студентов. Но потом оказалось, что у Сандро летом ожидается пополнение семейства. Он ехать не может. Поэтому я принял видоизмененный план: поехать без Сандро, взяв

в помощь Андрея и Миру по тем вопросам, которые они в состоянии снять. Больше всего вопросов в Юго-западном Дагестане, с которого мы некогда начинали.

Трудности начались еще в Москве. Мы хотели арендовать ЗИЛ-131 с будкой, для жизни на колесах он наиболее приспособлен. Но вместо этого выделили ГАЗ-66 с шофером новичком, только что поступившим на базу. Машина оказалась совершенно разбитой, несмотря на только что проведенный капитальный ремонт, несколько дней ремонта положение не изменило, но тут с маршрута вернулся ЗИЛ. Шофер сменился, вместо прошлогоднего Володи, порядком попортившего нам нервы своим нравом и состоянием машины, шофером теперь был Вадим, средних лет, спокойный, кооперативный, знающий слесарное дело. Он сказал, что ему надо лишь кое-что сделать и завтра можно будет ехать. Андрей поехал на машине, а остальные — поездом. Это были Мира, наш волонтер-летописец Борщев и Сима Никитина, с которой мы раньше ездили на Камчатку. Мы на нее надеялись как на «глав-женщину», может быть, слишком переоценивая ее силы и желание.

В Махачкале мы жили у моего сваяка Хадиса, его жена Люба была с детьми в Путивле. В Махачкале мы день-два ждали наших путешественников, и сразу по их приезде отправились в ближайшее селение — Дюбек, где мы были в последний раз в 79-м году. Стоянку мы разбиваем не в селении, а у водопада, в тени деревьев.

Первый день не очень удачный. Информанты не пришли, так как в селении свадьба, поработать удалось немного только мне с какими-то мальчишками. Потом нас настойчиво зовут в гости по случаю свадьбы, куда-то на поляну недалеко от стоянки. Утром информанты приходят работать к нам. Нам надо одновременно троих для продуктивной параллельной работы. Несколько часов опроса, и необходимо ехать дальше, хотя ясно, что потом возникнут новые вопросы.

Дорога длинная: спускаемся на трассу Москва — Баку, потом до Дербента и далее сворачиваем в Самурский регион, до рутульского селения Лучек (от трассы 115 км). Туда приезжаем уже в темноте, но с помощью фонарика находим известную поляну на правом берегу Самура, недалеко от Лучека. Убеждаюсь, как хорошо путешествовать по уже известным местам. Это и быстрота нахождения удобной стоянки, и радость встречи со знакомыми тебе местами.

Здесь работы на день, затем едем вдоль Самура вверх по течению в Микик. В Микике, как я знаю, хорошей площадки для палатки нет, но оказывается, что чуть дальше в долине Самура стоят геологи. У них три палатки, но их партия сейчас в горах, и нам предлагают поселиться у них. Мы довольно быстро снимаем вопросы, их тут немного, и к вечеру программа выполнена.

Рано утром покидаем Микик и снова целый день езды. Надо вернуться на союзную трассу. Мы выезжаем в полдевятого, а приезжаем в нужное нам селение, Кондик (здесь южный диалект табасаранского языка), в 7 вечера. Вместе с директором школы отправляемся на стоянку. Это поляна за селением. Директор после короткого отсутствия приносит нам угощение (включая кислое молоко и баранью ножку) и водку, потом приезжают на машине трое парней с водкой. Но гости довольно скоро уходят, и Андрей берется за гитару для полного кайфа. Отбой в 11 часов.

Следующий день — за работой и небольшой культурной программой. Экскурсия на ковровую фабрику, а потом народное пение. Я не имею возможности уследить, что делают другие. Но видно, что Сима времени тоже даром не теряет. Она упорно записывает песни и говорит, что культура пения здесь высокая.

Володино турне заканчивается, ему надо возвращаться в Москву, вскоре уезжает и Мира, и остаемся мы с Андреем. Наш маршрут — вверх по Чирагскому Койсу, где мы посещаем агульские диалекты (Тпиг, Рича, Бурцаг, Буркихан), чирагский диалект даргинского языка (селение Чираг) и лакский язык (селение Хосрех). Таким образом, мы проехали по местам, где начиналась наша работа в 73—74-м году. Особых осложняющих событий не случилось, машина не подвела. И в Москву мы возвращались на ней.

8. Тринадцатая словарная экспедиция: 1984

Это последняя наша словарная экспедиция. Состав ее минимален. Кроме нас с Сандро, в ней участвует в качестве вольноопределяющегося Володя Недеялков. Мы полагали, что по совместительству он будет и «глав-женщиной», но он оказывал в этом отношении молчаливое сопротивление. Но и в таком виде он был очень хорош и как-то вносил разнообразие в нашу совершенно безумную жизнь. Она состояла в основном в изнурительной езде в грузовике по пыльным дагестанским дорогам. Все места нам хорошо знакомы, повсюду наши старые знакомые, до боли знакомый словарь. Иногда и всего-то надо задать два-три вопроса, а езды — целый день. Мы объехали в Южном и Западном Дагестане 20 идиомов дней за 20. Но наконец точка поставлена. Словарь окончательно сверен. Вопросов больше нет.

9. Эпопея с изданием словаря: 1985—1990

Дело остается за малым: словарь надо опубликовать. Но скоро сказка сказывается, а долго дело делается.

Прежде всего, наш словарь записан на перфокартах, а надо переписать его на белом для машинистки и затем сверить, не проникли ли ошибки при переписывании. А прежде чем переписывать, надо принять все решения, в какой форме будет напечатан этот словарь. Основной принцип последовательности словарных статей — тезаурусный. Все они делятся на глаголы и имена. Внутри глаголов имеются семантические классы глаголов (бытие/наличие; обладание; движение; физические и телесные состояния/процессы (+ кауз); физические изменения, воздействия; трудовая деятельность и быт; говорение, звукопроизводство; физиологические процессы/состояния; восприятие, эмоции; интеллектуальная деятельность; модальность, фазисность). В именах различаются семантические классы существительных (тело человека/животных; человек: родство, социальные роли, группы; домашние животные; животный мир природы; растительный мир; пища; одежда, обувь, украшения; средства материальной деятельности; предметы домашне-

го обихода; жилище, хозяйственные постройки, поле; географические и астрономические объекты; субстанции неживой природы; время: абстрактные и родовые понятия), далее следуют местоимения, наречия, прилагательные, числительные. В качестве словарной единицы принят метаязыковой концепт. Некоторые концепты в говорах реализуются своими вариантами (обозначаются латинскими буквами) и/или имеют связанные по смыслу лексемы (обозначаются греческими буквами), например: сыворотка (а. ~ овечья; б. ~ коровья; а. простокваша). Внутри каждой тезаурусной группы концепты расположены по принципу их семантической близости. Эта структура тезауруса была определена еще в начале реализации нашего проекта.

В процессе работы были созданы картотеки для каждого говора (точнее — идиома), и теперь надо было их линеаризовать. В основу была положена традиционная генетическая классификация дагестанских языков. Порядок групп: аварский, андийские, цезские языки, лакский, даргинский, лезгинские языки. Внутри каждой группы порядок языков и говоров отражает, по возможности, их генетическую близость. Естественно, что диалекты одного языка следуют контактно.

Внутри словарных статей каждого говора выделяются зоны. Входом для существительных и местоимений является именной класс и наименее маркированная форма — именительный падеж ед. числа, для наречий и прилагательных — обычно форма 3-го класса. Не имеющие классовых показателей наречия являются неизменяемыми. Некоторые наречия изменяются по классам, порядок этих форм зависит от сочетаемостных возможностей. Изменяемые лексемы содержат минимальный набор форм, отражающих основы, от которых регулярно образуются все прочие формы. Обычно это форма мн. числа, а также форма одного из косвенных падежей в ед. и мн. числе.

Для глаголов входом является реконструируемый корень/корни. Далее следуют диагностические формы, содержащие основы, от которых образуются все элементы парадигмы. Для каждого говора фиксирован набор категориальных значений (например, аорист, императив, прохибитив, инфинитив и т. п.). Кроме того, глаголы, имеющие согласовательные классовые показатели, для каждой категориальной формы имеют несколько классово-числовых форм). У некоторых нерегулярных глаголов имеется до 5—10 форм. Обычно глагольные словоформы приводятся без сокращений.

Отдельно стояла проблема наиболее экономного представления всей этой информации. Для читателя, конечно, было бы желательно словарную статью каждого говора начинать с новой строки, все приводимые словоформы приводить в полном фонетическом виде. Но с целью экономии был принят ряд соглашений. Внутри каждого тезаурусного входа все говоры пришлось давать без отступов. Лишь аббревиатуры названий говоров давались прописными буквами. Производные от исходной основы формы также по возможности сокращались. При добавлении суффиксов без всяких фонетических процессов на стыке основы и суффикса основы не повторялись, а перед суффиксом ставился дефис. В противном случае слово-

формы приводились без сокращений с морфочленением (дефисом). Немаркированные грамматические значения (например, им., ед.) не обозначались, а все прочее указывались в сокращенном виде прописными буквами (например, G 'генитив, ед. ч.', PL 'мн. ч.').

Фонетические оболочки лексем содержат обозначения ударения и/или тональных характеристик. Глаголы содержат информацию об их модели управления. Эта информация содержится при входе словарной статьи глагольного концепта. Если конкретный говор имеет особенности в модели управления, это отмечается внутри его словарной статьи.

Кроме словарного материала в издание включались краткие грамматические описания всех говоров. Это фонетика, морфология глагола, морфология имени.

Немаловажной проблемой было добиться включения данной работы в план изданий. Это непростая процедура, а в нашем случае она осложнялась большим объемом работы. До того, как она будет напечатана, точно определить ее объем не представлялось возможным. По нашим оценкам, он составлял 70—80 печатных листов.

В рассматриваемую эпоху процедура принятия решения об издании рукописи была весьма сложной. Решение факультета было только рекомендательным. Оно поступало в редакционно-издательский совет университета. И тут возникли препятствия. Резко против выступила Л. Лесная, председатель этого совета. Трудности касались трех пунктов. Во-первых, заслуживает ли данная рукопись публикации, во-вторых, ее большой объем, в-третьих — тираж. Ради справедливости следует упомянуть, что Ю. В. Рождественский поддерживал это издание, подписывал соответствующие письма. Я многократно ходил на прием к тогдашнему проректору Добренькову, убеждал, настаивал, просил воздействовать на Л. Лесную.

Тираж должен быть не менее двух тысяч экземпляров: в то время это считалось малым тиражом. В то же время надо было подтвердить, что такой тираж будет востребован. Для этого мы с помощью наших дагестанских друзей обратились в Дагкниготорг, который подписал заявку на полторы тысячи экз., и это препятствие было преодолено (после издания труда отдельная эпопея состояла в том, чтобы переслать эту груду пачек в Махачкалу).

В итоге было предложено издать труд в двух томах с максимальным объемом каждого в 20 печатных листов. Мы разработали проект, несколько нарушая более логичную структуру: в одном томе словарь, в другом грамматические описания. В итоге первый том содержал всю информацию о глаголе: словарь и грамматическое описание глагольной морфологии, во втором все остальное: словарь имен, грамматическое описание имени, фонетику и аппарат. С целью экономии объема все словарные статьи были напечатаны в подборку. Кроме того, был выбран минимальный кегль.

Огромная работа была проделана с изготовлением оригинал-макета. Узким местом была машинопись. Она целиком зависела от машинистки, Марианны Касат-

киной, которую нам когда-то «сосватал» Алик Жолковский. Она блестяще печатала на спецмашинке со съемной головкой-шариком для особых шрифтов. Необходимые транскрипционные знаки были специально изготовлены. Но печать продвигалась очень медленно, по две-три страницы в день. Так как текст представлял собой чересполосицу кириллических, латинских и специальных шрифтов, головки надо было постоянно менять. Сейчас, в эпоху компьютерного набора, это трудно себе представить, но тогда это была самая передовая технология.

Изнурительна была и многократная корректура напечатанного текста. Любой сбой в печати требовал специальных ухищрений для правки, а зачастую приходилось перепечатывать уже готовую страницу. Эта рутинная работа заняла несколько лет, и тома вышли с интервалом в два года [Кибрик, Кодзасов 1988; 1990].

Сейчас, по прошествии двадцати лет, можно сказать, что этот словарь выдержал испытание временем. В частности, он лег в основу дагестанской реконструкции С. А. Старостина и С. Л. Николаева [Nikolayev, Starostin 1994], и за это время к нам не поступило ни одной претензии о той или иной ошибке в этом словаре.

Итак, 17 лет работы позади. А впереди новые проекты.

А. Е. Кибрик
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва
kibrik@philol.msu.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславская О. Ю. Структура именной группы: определительные конструкции в дагестанских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1989.
- Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. Вып. 126, 127, 128, 129, 130, 140, 141 // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. М., 1979—1981.
- Кибрик А. Е. Игорь Мельчук и наши экспедиции // Восток и Запад: 2 международная конференция по модели «Смысл — Текст». М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 219—224.
- Кибрик А. Е. Диалог лингвиста с носителем: в поисках полевого метода и формата лингвистического описания // На меже меж Голосом и Эхом. Сб. статей в честь Т. В. Цивьян. М.: Новое изд-во, 2007. С. 308—328.
- Кибрик А. Е. Экспедиционные истории 2: Начало дагестанских сопоставительных штудий (1973) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: ЯСК, 2008: 23—32.
- Кибрик А. Е. Экспедиционные истории 3: Продолжение дагестанских сопоставительных штудий (1974—1977) // К 70-летию В. А. Виноградова. М., 2010.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд. МГУ, 1972.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Дж. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 1, 2, 3. М.: Изд. МГУ, 1977.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Дж. Арчинский язык: тексты и словари. М.: Изд. МГУ, 1977.

- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: Изд. МГУ, 1988.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд. МГУ, 1990.
- Кибрик А. Е. (ред.) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие. 2001.
- Табасаранские этюды. Материалы Дагестанской экспедиции. 1979 // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия монографий. Выпуск 15. М.: Изд. МГУ, 1982.
- Kibrik A. E. (ed.) *Godoberi*. München-Newcastle: Lincom Europa, 1996.
- Nikolayev S. L., Starostin S. A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.

Годы экспедиционных посещений обследуемых селений

Селение	Годы посещений	Селение	Годы посещений
Чадаколюб	76, 80, 84	Буркихан	78, 83, 84
Анди	81	Бурцаг	74, 78, 83, 84
Тадмагитль	79, 81, 82	Рича	73, 78, 83, 84
Ниж. Гаквари	75, 79, 81, 82	Тпиг	83
Гигатли	82	Арчи	73
Тинди	75, 79, 81, 82	Будух	77, 80, 84
-----	-----	Крыз	77, 80, 84
Тлядал	76, 80, 84	Хлют	73, 74, 79, 84
Хошар-Хота	76, 80, 84	Лучек	73, 74, 75, 79, 84
Чантлисхури	82	Дюбек	74, 78, 79, 83, 84
Гинух	80, 84	Кондик	73, 74, 78, 83, 84
Гунзиб	80, 84	Нидж	77, 82
Инхоквари	75, 79, 81, 82, 84	Владимировка	77, 80, 84
Кидеро	76, 80, 84	(хиналугский)	
-----	-----	Гельмец	73, 74, 79, 84
Чираг	73, 74, 78, 83, 84	Микик	73, 74, 79, 84
Хосрех	74, 78, 83, 84	Цахур	73, 74, 79

Ареал сопоставительного словаря

